

Книги Алессандро Барикко

ЗАМКИ ГНЕВА

МОРЕ-ОКЕАН

1900-й. ЛЕГЕНДА О ПИАНИСТЕ

ШЁЛК

CITY

БЕЗ КРОВИ

ГОМЕР. ИЛИАДА

ТАКАЯ ИСТОРИЯ

ЭММАУС

МИСТЕР ГВИН

ТРИЖДЫ НА ЗАРЕ

ЮНАЯ НЕВЕСТА

THE GAME. ИГРА

АВЕЛЬ

(готовится к публикации)

Алессандро Барикко

ШЁЛК
♦
МОРЕ-ОКЕАН
И ДРУГИЕ МАТЕРИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Б 24

Alessandro Baricco
CASTELLI DI RABBIA
Copyright © RCS Libri S.p.A., Milano, 1991
OCEANO MARE
Copyright © RCS Libri S.p.A., Milano, 1993
NOVECENTO
Copyright © 1994, Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano
SETA
Copyright © R.C. S. Libri & Grandi Opere S. p. A. Milan, 1996
CITY
Copyright © RCS Libri S.p.A., Milano, 1999
SENZA SANGUE
Copyright © 2002, Alessandro Baricco
All rights reserved

Перевод с итальянского
Евгении Дегтярь, Геннадия Киселёва,
Наталии Колесовой, Владимира Петрова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

© Е. Г. Дегтярь, наследники (перевод), 2012
© Г. П. Киселёв, перевод, 1997, 1999
© Н. В. Колесова, перевод, 2001, 2004
© В. А. Петров, перевод, 2001, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33486-1

Und wir, die an steigendes Glück...
И мы, о ввысь уносящемся счастье...¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Эй, там — что, нет никого?.. БРЭТ... что за черт, оглохли они там, что ли?.. БРЭТ!

— Не ори так, тебе это вредно, Гарольд.

— Куда ты запропастился, черт тебя дери... Я уже битый час здесь стою и...

— Твоя колымага совсем развалилась, Гарольд, не надо бы тебе так быстро ездить...

— Да наплевать на нее, возьми-ка лучше это...

— Что это?

— Да я сам не знаю, Брэт... откуда мне знать... это посылка. Посылка для миссис Райл...

— Для миссис Райл?

— Она пришла вчера вечером... и вид у нее такой, будто бы пришла она издалека...

— Посылка для миссис Райл...

— Слушай, возьми ее быстрее, Брэт, мне нужно вернуться в Квиннипак до полудня...

— О'кей, Гарольд.

— Лично миссис Райл, ты понял?

— Лично миссис Райл.

¹ Здесь и далее в эпиграфах цитируется Райнер Мария Рильке. «Дуинские элегии». Элегия десятая.

— Отлично... и не валяй дурака, Брэт... появляйся хоть иногда в городе, ты же просто сгниешь в этой дыре...

— Колымага у тебя жуткая, Гарольд...

— Скоро увидимся, о'кей?.. Но, пошла, давай!.. Увидимся, Брэт!

— Не гони ты так на этой колымаге, ЭЙ, ГАРОЛЬД, НЕ ГОНИ ТАК... Не стоит тебе так гнать на этой развалюхе. Когда колымага такая никчемная...

— Мистер Брэт...

— ...и разваливается от одного только взгляда...

— Мистер Брэт, я ее нашел... я нашел веревку...

— Молодец, Пит, положи ее туда, положи в повозку...

— ...она лежала прямо в зерне, ее не было видно...

— Хорошо, Пит, а теперь иди-ка сюда... положи пока эту веревку и иди сюда, мой мальчик... мне нужно, чтобы ты быстро сбегал в город и обратно, понял?.. Вот, возьми этот пакет. Беги, разыщи Мэгг и отдай ей. И послушай... Скажи ей, что это посылка для миссис Райл, о'кей? Скажи ей: это посылка для миссис Райл, она пришла вчера вечером, и выглядит она так, будто пришла издалека. Ты хорошо понял?

— Да.

— Это посылка для миссис Райл...

— ...она пришла вчера вечером, и... она из...

— ...выглядит она так, будто пришла издалека, вот как ты должен сказать...

— ...издалека, о'кей.

— Ну хорошо, беги... и все время повторяй это, пока бежишь, тогда ты не забудешь... ну давай, мой мальчик...

— Да, мистер...

— Повторяй все вслух, это очень помогает.

— Да, мистер... Это посылка для миссис Райл, она пришла вчера вечером, и... она пришла вчера вечером, и она выглядит...

— БЕГИ ЖЕ, ПИТ, Я СКАЗАЛ — БЕГИ!

— ...будто бы пришла она издалека, это посылка для миссис Райл, она пришла вчера вечером, и она выглядит... как

будто она пришла издалека... это посылка для... миссис Райл... для миссис Райл, она пришла вчера вечером... и она выглядит... она выглядит, как будто она издале... далеко... это посылка... это посылка для миссис... она пришл... издале... нет, она пришла вчера... она пришла... вчера...

— Эй, Пит, что за дьявол тебя укусил? Куда ты так несешься?

— Привет, Энди... она пришла вчера... я ищу Мэгг, ты ее не видел?

— Она там, на кухне.

— Спасибо, Энди... это посылка для миссис Райл... она пришла вчера... и она выглядит... она выглядит, как будто она пришла издалека... издале... дале... это посылка... Добрый день, мистер Гарп!.. для миссис Райл... она пришла вчера... и она... она пришла вчера, и она... это посылка, это посылка для миссис... миссис Райл... и она выглядит, будто она пришла... Мэгг!

— Малыш, что случилось?

— Мэгг, Мэгг, Мэгг...

— Что это у тебя в руках, Пит?

— Это посылка... это посылка для миссис Райл...

— Покажи-ка...

— Подожди, это посылка для миссис Райл, она пришла вчера вечером и...

— Ну, Пит...

— ...она пришла вчера и...

— ...она пришла вчера...

— ...она пришла вчера, и она выглядит издалека, вот.

— Выглядит издалека?!

— Да.

— Дай я посмотрю, Пит... выглядит издалека... на ней полно надписей, видишь?.. и, думаю, я знаю, откуда она... Смотри, Ститт, пришла посылка для миссис Райл...

— Посылка? Тяжелая?

— Она выглядит издалека.

— Дай-ка, Пит... она легкая... легкая... что скажешь, Ститт, она похожа на подарок?

— Кто его знает, может быть, там деньги... а может быть, это просто шутка...

— Ты знаешь, где госпожа?

— Она только что пошла в свою комнату...

— Слушай, ты оставайся здесь, а я поднимусь на минутку...

— Можно я тоже пойду, Мэгг?

— Ладно, Пит, только давай быстрее... я сейчас вернусь, Ститт...

— Это просто шутка, думаю, это просто шутка...

— Правда это не шутка, Мэгг?

— Кто его знает, Пит.

— Ты все знаешь, только не хочешь сказать, да?

— Может быть, я и знаю, но тебе-то точно не скажу... давай закрой дверь...

— Я никому не скажу, клянусь, никому...

— Пит, будь умницей... потом и ты все узнаешь, вот увидишь... и, может быть, скоро будет праздник...

— Праздник?

— Ну, что-то в этом роде... если здесь внутри то, что я думаю, завтра будет необыкновенный день... или, может быть, послезавтра, или через несколько дней... но такой день будет...

— Необыкновенный день? Почему необычно...

— Тсс! Стой здесь, Пит. Стой на месте, хорошо?

— Ладно.

— Стой на месте... Миссис Райл... извините, миссис Райл...

И тогда, только тогда Джун Райл подняла голову от письменного стола и обернулась к закрытой двери.

Джун Райл. Лицо Джун Райл. Когда женщины Квиннипака смотрели на себя в зеркало, они думали о лице Джун Райл. Когда мужчины Квиннипака смотрели на своих женщин, они думали о лице Джун Райл. Волосы, скулы, белоснежная кожа, изгиб бровей Джун Райл. Но самыми удивительными

тельными — смеялась ли она, кричала ли, молчала ли или просто сидела, как бы в ожидании чего-то, — были губы Джун Райл. Губы Джун Райл завораживали... Они просто будоражили фантазию. Они раскрашивали ваши мысли в яркие цвета. «Однажды Бог создал губы Джун Райл. И именно тогда Ему на ум внезапно пришла мысль о грехе». Так это рассказывал Тиктель, который разбирался в богословии, так как когда-то был поваром в семинарии, — как, по крайней мере, говорил он сам, или в тюрьме, как говорили другие, — глупцы, — так он их называл. Никто никогда не смог бы описать его, говорили все. Лицо Джун Райл, разумеется. О нем грезил каждый. И вот теперь оно здесь, именно здесь, — и оно, еще минуту назад склонявшееся над столом, уже обращено к закрытой двери, — и губы Джун Райл произносят:

— Я здесь.

— Вам посылка, миссис.

— Входи, Мэгг.

— Здесь посылка... для вас.

— Покажи.

Джун Райл поднялась, взяла пакет, прочитала имя, написанное чернилами на коричневой бумаге, посмотрела с другой стороны, подняла глаза вверх, на минуту закрыла их, снова открыла, опять осмотрела пакет, взяла со стола нож для бумаги, разрешила шпагат, развернула коричневую обертку — под ней оказалась белая.

Мэгг сделала шаг к двери.

— Останься, Мэгг.

Она развернула белую бумагу, под которой показалась розовая, в нее была завернута сиреневая коробочка, в которой Джун Райл обнаружила другую, обтянутую зеленой тканью.

Она открыла эту коробочку. Заглянула в нее. Ее лицо ничего не выразило. Потом она ее закрыла. Затем, повернувшись к Мэгг, улыбнулась ей и сказала:

— Мистер Райл возвращается.

Вот так.

И тогда Мэгг побежала вниз вместе с Питом, повторяя: «Мистер Райл возвращается», и Ститт произнес: «Мистер Райл возвращается», и по всем комнатам пронесся шепот: «Мистер Райл возвращается», и кто-то крикнул в открытое окно: «Мистер Райл возвращается!» — и вот уже над полями пронеслось: «Мистер Райл возвращается», и это известие донеслось до реки, у которой раздалось: «Мистер Райл возвращается». И раздалось так громко, что и на стекольном заводе кто-то услышал и, повернувшись к соседу, шепнул: «Мистер Райл возвращается», и весть эта донеслась до каждого, несмотря на шум печей, из-за которого приходилось повышать голос, чтобы тебя слышали; «что ты сказал?» — «мистер Райл возвращается», и голос этот становился все громче и громче и наконец стал таким громким, что о том, что случилось, узнал самый последний, самый глухой рабочий, вздрогнув, как от выстрела у самого уха, от слов: «Мистер Райл возвращается», — одним словом, это было подобно взрыву, эхо от которого поднялось высоко в небо, отдалось в ушах и в сознании, и даже в Квиннипаке, который был оттуда в часе езды, даже в Квиннипаке спустя совсем немного времени жители увидели, как на всем скаку в город въехал Олливи, скатился кубарем с коня, растянулся на земле, проклиная Небо и Мадонну, и, подняв с земли свою шляпу и с задницей, запачканной грязью, произнес — тихим голосом, как будто бы новость при его падении лопнула, сдулась и истерлась в порошок, — он пробормотал как бы про себя:

— Мистер Райл возвращается.

Время от времени мистер Райл возвращался. Как правило, это случалось спустя некоторое время после того, как он уезжал. Что свидетельствует о внутренней, психологической и, можно сказать, моральной дисциплине этого человека. По-своему мистер Райл любил точность.

Гораздо труднее было понять, почему он время от времени уезжал. Никогда не было по-настоящему удовлетворитель-

ного объяснения — почему он это делал, это не зависело ни от времени года, ни от конкретного дня, ни от какой-либо причины. Он просто уезжал. Приготовления — серьезные и незначительные — занимали у него несколько дней: экипажи, письма, багаж, шляпы, походный письменный прибор, деньги, документы — все это он упаковывал и распаковывал, как всегда улыбаясь, с кропотливым и беспорядочным проворством запутавшегося насекомого, вовлеченный в своего рода домашний ритуал, и этот ритуал мог бы длиться вечно, если бы в конце концов не заканчивался одной и той же заранее известной церемонией — церемонией краткой, едва примечательной и чрезвычайно тонкой: он выключал свет, и они с Джун лежали молча в постели, в полной темноте, рядом друг с другом, в нерешительности; она пережидала несколько мгновений, потом закрывала глаза и, вместо того чтобы сказать:

— Спокойной ночи, — спрашивала:

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра, Джун.

И наавтра он уезжал.

Куда он ехал, никто не знал. Даже Джун. Кое-кто утверждал, что он и сам хорошо этого не знает, и в доказательство приводили то знаменитое лето, когда утром седьмого августа он уехал и вернулся на следующий вечер с семьей нераспакованными чемоданами и с самым невозмутимым лицом. Джун его ни о чем не спросила. Он ничего не объяснил. Слуги распаковали чемоданы. После этой маленькой заминки жизнь пошла своим чередом.

А иногда, как говорили, он мог уехать на несколько месяцев. Это несколько не меняло его укоренившихся привычек: он не присылал ни малейшей весточки о себе. Он буквально исчезал. Ни письма, ничего. Джун к этому привыкла и не тратила времени на напрасное ожидание.

Слуги, которые, в общем-то, любили мистера Райла, думали, что он уезжает по делам.

— Это стекольный завод заставляет его уезжать так далеко.

Так говорили. Куда это — *так далеко* — оставалось весьма неопределенным, но, по крайней мере, это было хоть каким-то объяснением. И доля истины в этом была.

В самом деле, иногда, когда мистер Райл возвращался, в чемодане у него были удивительные и многообещающие договоры: на 1500 стаканов в форме башмака (так они и остались стоять непроданными в витринах половины Европы), на 820 квадратных метров цветного стекла (семь цветов) для новых витражей собора Сен-Джуст, на сосуд диаметром 80 сантиметров для садов Каза-Реале и тому подобное. И совсем уж невозможно забыть одно из его возвращений, когда мистер Райл, даже не стряхнув с себя дорожную пыль и ни с кем не поздоровавшись, побежал через поля к заводу, с порога устремился к каморке Андерсона и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Слушай меня, Андерсон... если бы нам нужно было изготoвить лист стекла, но лист очень большой, понимаешь? Очень большой... самый большой... и, главное, тонкий... как ты думаешь, насколько большим мы смогли бы его сделать?

Старый Андерсон сидел над счетами и квитанциями. В них он не понимал абсолютно ничего. Он, совершенный гений во всем, что касалось стекла, совсем не разбирался в счетах. Он блуждал по цифрам изумленным взглядом. И поэтому, едва услышав о стекле, он, как рыба, попавшаяся на крючок, позволил вытащить себя из этого моря — моря цифр, бездны счетов.

— Ну, может быть, метр, лист метр на тридцать, как мы тогда делали для Денбери...

— Нет, Андерсон, больше, гораздо больше, чем ты можешь себе вообразить...

— Больше?.. Ну если бы можно было попробовать раз-другой, а потом сделать штук десять пробных, может быть, в конце концов нам и удалось бы получить действительно один большой лист, может быть, с два метра... может быть, да-

же и больше — скажем, два метра на метр, прямоугольник из стекла длиной два метра...

Мистер Райл обошел его и встал за спинкой его стула:

— Знаешь что, Андерсон? Я нашел способ сделать его в три раза больше.

— В три раза больше?

— В три раза.

— А что мы будем делать с листом стекла в три раза больше?

Вот что он спросил его, этот старик: что мы будем делать, спросил он его, с листом стекла в три раза больше?

А мистер Райл ответил:

— Деньги, Андерсон. Мы будем грести их лопатой.

В действительности, если говорить начистоту, способ, который мистер Райл нашел невесть в каком уголке света, вбил себе в голову и запечатлел в своей фантазии, чтобы потом рассказать о нем Андерсону, прямо глядя в его прозрачные глаза, был столь же гениален, сколь и безнадежен. Андерсон же был гением в изготовлении стекла — и был таковым уже бесчисленное число лет, а до него — его отец, а до его отца — отец его отца, который первым в семье послал к дьяволу своего собственного отца-крестьянина и его ремесло, чтобы разобраться наконец, какой это нечистой силой обрабатывается столь бездушный, но волшебный камень — без прошлого, без цвета и без имени, который все называют *стеклом*. В общем, он был гением, он был им всегда. И он начал думать. Поскольку действительно, должно быть, существовал некий способ изготовления стекла в три раза больше. И это, собственно говоря, и было самым гениальным в способе мистера Райла: он всегда интуитивно знал, что можно сделать нечто, прежде чем кому-нибудь приходило в голову, для чего это может понадобиться. И вот он бился над этим, Андерсон, — дни, недели и месяцы. И в конце концов разработал способ, который позже стал известен под именем «Патент Андерсона со стекольного завода Райла», вызвавший благо-

приятные отзывы в местной печати и широкий интерес у многих мыслящих людей в разных частях света. Но гораздо важнее то, что «Патент Андерсона со стекольного завода Райла» с этой минуты на несколько лет изменил жизнь мистера Райла, оставив, как мы увидим, определенный след в его истории. Истории необычной, которая, без сомнения, так или иначе шла бы своим ходом и в конце концов привела бы его к тому, что и было написано у него на роду, но все же тем не менее ей было угодно, чтобы поворотным моментом в ней явился именно «Патент Андерсона со стекольного завода Райла». Такова судьба: она могла бы плести нить нашей жизни тихо и незаметно, а вместо этого она поджигает на своем пути, там и тут, отдельные мгновения, выбирая их из тысячи других мгновений нашей жизни. Ночью, когда вы предаетесь воспоминаниям, они горят ярким светом, отмечая вехами ход вашей судьбы. Эти одинокие огни горят так ярко, что иногда высвечивают хоть какие-то причины происшедшего в вашей жизни.

К примеру, в свете «Патента Андерсона со стекольного завода Райла» и того, что за ним последовало, становится ясно, почему столь естественными казались слухи о том, что поездки мистера Райла были главным образом деловыми. И все же...

И все же невозможно было не заметить очевидного: существовали мириады мелких фактов, деталей и явных совпадений, проливающих определенный свет на те непостижимые и неоспоримые явления, которыми были поездки мистера Райла. Мириады мелких фактов, деталей и явных совпадений, о которых даже не стоило бы упоминать, потому что они, словно тысяча мелких ручейков, впадающих в большое озеро, вылились однажды в чистую правду. Это случилось в один январский день, когда мистер Райл вернулся из очередной поездки, и был он не один — он явился с Морми. Глядя Джун в глаза, он сказал ей очень просто, — положив руку на плечо мальчугана, — он ей сказал, — а мальчонка

между тем не отрываясь смотрел на прекрасное лицо Джун, — так вот, он сказал:

— Это Морми, и он мой сын.

Над ними нависало сумрачное январское небо. Вокруг — горстка слуг. Все невольно опустили глаза. Все, кроме Джун. Она смотрела на блестящую кожу мальчика — кожу цвета песка, кожу, обожженную солнцем, но обожженную раз навсегда — тысячу лет назад. И первой ее мыслью было:

«Та шлюха была черной».

Она видела ее, эту женщину, которая в какой-то далекой стране сжимала ногами мистера Райла, кто знает, — может быть, это было ее ремесло, а может, она делала это из удовольствия, скорее всего — ремесло. Она смотрела на мальчишку: на его глаза, его губы, белые зубы — и видела ее все отчетливее — настолько отчетливо, что вторая пронзившая ее мысль была:

«Та шлюха была красоткой».

Обе эти мысли пронеслись в ее голове за одно лишь мгновение. И на одно лишь мгновение эта крошечная человеческая вселенная, отрезанная от остальной галактики, сконцентрировавшаяся на себе самой и явно переживавшая драму, — на одно лишь мгновение эта крошечная человеческая вселенная погрузилась в молчание. А затем неожиданно, среди всеобщего замешательства, раздался ее голос, и его слышали все:

— Привет, Морми. Меня зовут Джун, и я не твоя мать. И никогда ею не буду.

Правда, сказано это было мягким голосом. Это могут подтвердить все. Она сказала это мягким голосом. Она могла бы сказать это с бесконечной злобой, и все же она произнесла эти слова мягко. Нужно было слышать, каким мягким голосом это было сказано: «Привет, Морми. Меня зовут Джун, и я не твоя мать. И никогда ею не буду».

В тот вечер пошел дождь, и это было похоже на наказание. Он хлестал всю ночь с необычайной свирепостью. «Сильно

он помочился», — как говаривал Тиктель, который разбирался в богословии, потому что был поваром в семинарии, — как, по крайней мере, утверждал он сам; в тюрьме — как говорили некоторые; глупцы — так он их называл. Морми лежал в своей комнате, натянув одеяло на голову, ожидая раскатов грома, но так и не дождался. Ему было восемь лет, и он не понимал, что происходит. И все же два образа четко запечатлелись в его сознании: лицо Джун — самое красивое лицо, какое он только видел в своей жизни, и стол, накрытый внизу, в столовой. Три подсвечника, горящие свечи, узкие граненые горлышки бутылок, сверкающие как алмазы, салфетки с вышитыми на них таинственными буквами, пар, поднимающийся из белой супницы, золотой ободок тарелок, блестящие фрукты, лежащие на больших листах в серебряных вазах. Все это, и еще лицо Джун. Эти два образа стояли у него перед глазами и были воплощением абсолютного и безусловного счастья. Если бы можно было унести их с собой на всю жизнь! Почему это жизнь все время над нами насмехается? Она настигает нас еще в нежном возрасте и сеет в нашей детской душе некий образ, или запах, или звук и оставляет его в нашей памяти. И этот-то момент и был счастьем. Ты понимаешь это потом, когда уже слишком поздно. Ты уже далеко: в тысячах километрах от этого образа, звука, запаха. И нет к ним возврата.

А в другой комнате у окна стояла Джун. Прижавшись лицом к стеклу, она смотрела на нескончаемый поток. Она стояла неподвижно, пока не почувствовала, как на ее талию легли руки мистера Райла; он мягко повернул ее к себе, он смотрел на нее удивительно серьезно, и голос его был тихим и нежным.

— Джун, если ты хочешь спросить меня о чем-нибудь, спроси сейчас.

Джун стала развязывать красный платок у него на шее, потом скинула с него пиджак и медленно, одну за другой, принялась расстегивать пуговицы на его темном жилете, на-

чиная с самой нижней и постепенно поднимаясь все выше и выше, пока не осталась одна, последняя пуговица, занявшая ненужную оборону: она сопротивлялась мгновение, одно лишь мгновение, прежде чем уступить, в полной тишине, и мистер Райл наклонился к Джун, чтобы сказать, — но это скорее было похоже на просьбу:

— Послушай, Джун... посмотри на меня и спроси то, что ты хочешь...

Но Джун не сказала ни слова. Она просто тихо заплакала, и ничто не изменилось в ее лице; она плакала так, как умеют немногие, — одними лишь глазами, подобно тому как сосуд, до краев наполненный грустью, стоит безучастно до тех пор, пока одна лишь капля не переполнит его и не перетечет через край, а за ней следует тысяча других, а он стоит, бесстрастный, и по краям его стекают слезы обиды. Так плакала Джун. И она плакала не переставая, — даже потом, когда он, обнаженный, лежал под ней, а она целовала его всего, она плакала не переставая, изливая всю свою грусть в этих медленных и молчаливых слезах, — и не было ничего прекраснее этих слез, — плакала, когда сжимала в руках плоть мистера Райла и медленно касалась губами этой невообразимо гладкой кожи, — и не было губ прекраснее, — плакала так, как умела только она, когда, раздвинув ноги, очень быстро и с какой-то яростью она вонзила плоть мистера Райла в свое лоно, а значит, и самого мистера Райла, в каком-то смысле, она вонзила в себя, и, упершись руками в постель, глядела сверху на лицо этого мужчины, который, уехав на другой край земли, чтобы трахать какую-то красотку-негритянку, трахал ее с такой страстной одержимостью, что оставил ей в чреве ребенка; глядя в это лицо, обращенное на нее, она принялась вращать внутри себя побежденного противника — это была плоть мистера Райла, — отчаянно вращать его и укрощать, и он проникал в нее все глубже, — и все не переставала плакать — если это можно назвать просто плачем, — и делала это со все большей яростью, даже бешенством, а мистер Райл пытался

прижать ей руки к бокам, безуспешно и напрасно стараясь унять эту женщину, которая, овладев его естеством, глухими ритмичными движениями уже вырвала из его сознания все то, что было серьезнее, чем просто жажда все новых наслаждений. Она все плакала и молчала — плакала и молчала, даже когда увидела, что мужчина, лежащий под ней, вконец обессилен и закрыл глаза, даже когда почувствовала, как он, этот мужчина, который был в ней, судорожно скользнув меж ее бедер, резко вонзил в ее лоно свою плоть таким невероятным, истеричным рывком, что до боли пронзил ее чувством любви.

И только потом — чуть позже, когда мистер Райл смотрел на нее в полутьме и, глядя ее, пытался справиться с изумлением, Джун сказала:

— Я прошу тебя, не говори об этом никому.

— Я не могу, Джун. Морми — мой сын, я хочу, чтобы он рос здесь, с нами. И все должны знать это.

Джун лежала, уткнув лицо в подушку и закрыв глаза.

— Я прошу тебя, не говори никому, что я плакала.

Между этими двумя было что-то, что всегда оставалось тайной или чем-то в этом роде. Невозможно было догадаться, что они говорили друг другу, как жили и какими они были на самом деле. Можно было сломать голову, пытаясь додуматься, что значат некоторые их жесты. И можно было годами задаваться бесконечными *почему*. Единственное, что часто было очевидным, даже почти всегда, а может быть, и всегда, — единственное, что было очевидным, — это то, что в том, что они делали, и в том, чем они были, было нечто — так сказать — прекрасное. Вот так. Все говорили: «Как прекрасно поступил мистер Райл» или «Как прекрасно поступила миссис Джун». Можно было почти ничего не понимать в их отношениях, но, по крайней мере, это было понятно всегда. Например, никогда мистер Райл не присылал из своих поездок никаких вестей, ни единой записки. Никогда. Однако за несколько дней до возвращения он непременно при-

сылал Джун маленькую посылку. Она ее открывала и находила там одну драгоценность.

Ни строчки письма, ни даже подписи: одна лишь драгоценность.

Конечно, любой из вас смог бы найти тысячу объяснений такого рода поступкам, начиная с самого примитивного, то есть что мистер Райл чувствовал себя в чем-то виноватым и поэтому поступал так, как все мужчины, иначе говоря — откупался дорогими подарками. Но поскольку мистер Райл не был похож на других мужчин, а Джун не была похожа на других женщин, — подобное, весьма логичное, объяснение никуда не годилось, и ему на смену выдвигались фантастические теории, в которых чудеснейшим образом переплетались контрабанда алмазами, многозначительные эзотерические символы, античные традиции и поэтичные любовные истории. Еще более смущало то, что Джун никогда, совсем никогда не надевала подаренные драгоценности, и, казалось, они ее не занимали вовсе, хотя часто с озабоченным видом она проверяла свои коробочки, постоянно смахивала с них пыль и следила, чтобы никто не сдвигал их с предназначенного им места. И даже спустя несколько лет после ее смерти эти коробочки стояли, аккуратно поставленные одна на другую, каждая на своем месте, такие нелепые и пустые, а когда принялись искать драгоценности, искали их много дней и недель, пока не поняли наконец, что найти их просто невозможно. В общем, сколько бы вы ни думали об этой истории с драгоценностями, вы никогда не нашли бы ей окончательного объяснения. Но каждый раз, когда мистер Райл возвращался, слуги спрашивали друг друга: «А драгоценность приходила?» — и тогда кто-нибудь отвечал: «Кажется — да, кажется, она пришла пять дней назад, в зелененькой коробочке», и тогда они улыбались и говорили про себя: «Как прекрасно поступил мистер Райл». Потому что ничего другого, кроме этой пустячной и вместе с тем такой важной фразы — что это прекрасно, — они тогда и не могли сказать...

Барикко А.

Б 24 Шёлк, Море-океан и другие материи / Алессандро Барикко ; пер. с ит. Е. Дегтярь, Г. Киселёва, Н. Колесовой, В. Петрова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33486-1

Алессандро Барикко — звезда итальянской прозы, один из самых ярких романистов нашего времени, чьи произведения переведены на десятки языков.

Критики справедливо называют Барикко «литературным кубистом»: писатель показывает сразу несколько граней реальности, но сложная архитектура текстов при этом сочетается с завораживающей музыкальностью слога.

Сборник возвращает к первому десятилетию творчества автора. Вслед за героем мирового бестселлера «Шёлк» мы плывем в Японию XIX века, где случайная встреча оборачивается любовью-наваждением. На другом конце света и в ином веке волны рассекает океанский лайнер из монолога «1900-й. Легенда о пианисте» — на палубе играет гениальный музыкант, ни разу в жизни не сходивший на берег. А на берегу, затерявшаяся во времени и пространстве, приютилась таверна «Альмайер» из романа «Море-океан», пристанище эксцентричных постояльцев, каждый из которых посвоему одержим... Издание дополняют дебют автора «Замки гнева», авангардный коллаж «City» и жесткая кинематографичная драма «Без крови».

Произведения сборника легли в основу известных фильмов: «Шёлк» (в главной роли Кира Найтли), «Легенда о пианисте» (в главной роли Тим Рот), «Без крови» (режиссер Анджелина Джоли, в главной роли Сальма Хайек).

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

АЛЕССАНДРО БАРИККО

ШЁЛК МОРЕ-ОКЕАН И ДРУГИЕ МАТЕРИИ

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректор Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-42856-01-R